

А. Л. Шарандин

**ИНВАРИАНТ И ПРОТОТИП:
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС, КОГНИТИВНАЯ ПРИРОДА,
ЯЗЫКОВАЯ СПЕЦИФИКА***

Термин «*инвариант*» получил свое наиболее полное понятийное содержание в математической и языковедческой науках. Приоритет с точки зрения первичности его ввода в научный обиход принадлежит математикам. В «Логическом словаре-справочнике» Н.Кондакова, в частности, указывается, что термин «инвариант» введен в научный обиход английским математиком Дж. Сильверстом в начале второй половины XIX века [Кондаков 1975: 197]. В *математике* существуют такие преобразования, в ходе которых меняется само математическое выражение, а его содержательная сущность остается неизменной. В этом случае математики говорят об инвариантном преобразовании. Именно это, по существу, отражает и *словообразовательная структура термина «инвариант»*: префикс *ин-* имеет отрицательное значение *не*, а слово *вариант* заимствовано из французского языка, где оно восходит к лат. *variantis* – «изменяющийся», т.е. буквально *инвариант* означает «неизменяющийся» [БАС, т.7. 2007: 249].

В *языкознании* областью научной востребованности термина «инвариант» (и, соответственно, «вариант») стала фонология, в рамках которой понятия «инвариант» и «вариант» ввел И.А.Бодуэн де Куртенэ на материале фонем и их реализаций в речи: фонема – инвариант, а ее возможные звучания (звуки) – варианты. Что же касается перенесения понятия инварианта на другие уровни языковой системы, связанные с семантикой, то, по мнению Н.В.Перцова [Перцов 2001: 20], исследователи связывают такой перенос с работой Р.О.Якобсона об общих значениях русских падежей (1936 г.), хотя, как справедливо отмечает А.В.Бондарко, понимание инвариантности в его трудах опирается на предшествующую традицию в разработке проблемы общих значений (в частности, на работы

К.С.Аксакова, Н.П.Некрасова, Ф.Ф.Фортунатова, А.А.Шахматова) [Бондарко 2003: 10].

В дальнейшем произошла экстраполяция термина и понятия «инвариант» в другие научные теории. Самый широкий смысл придает ему философское определение, в котором инвариантность рассматривается как «свойство некоторых существенных для системы соотношений не меняться при ее определенных преобразованиях. Отражая неизменное и постоянное в однородных системах (или в состояниях одной и той же системы), инвариантность выступает как определяющий момент ее структуры; в этом смысле структуру правомерно рассматривать как инвариант системы» [ФЭС 1983: 205].

Не осталось в стороне от введения в научный аппарат термина «инвариант» и психология. В ней инвариантность выражает общность важнейших аспектов ряда восприятий одного и того же объекта различными познающими субъектами, что составляет объективное содержание этих восприятий и тем самым служит основой адекватного отражения сущности объекта.

Как и термин «инвариант», *термин «прототип»* оказался востребованным в исследовательском плане разными науками. В «Логическом словаре-справочнике» Н.И.Кондакова «прототип – предмет, на который переносится информация, полученная в результате изучения модели» [Кондаков 1975: 495]. В «Философском словаре» И.П.Меркулова (1999) термин «прототип» определяется как «абстрактный образ, воплощающий множество сходных форм одного и того же паттерна, наиболее репрезентативный

* НИР выполнена в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы

пример понятия, фиксирующий его типичные свойства [Меркулов // arion.ru/wiki/Prototip]. В этом же словаре отмечается, что в *когнитивной психологии* разработаны две теоретические модели формирования прототипа. Первая – модель центральной тенденции – предполагает, что прототип есть хранящийся в памяти абстрактный образ, представляющий собой нечто среднее из всех относящихся к нему примеров. Вторая – частотная модель – исходит из допущения, что прототип содержит наиболее часто встречающееся сочетание признаков, свойственных некоторому набору паттернов (экземпляров).

В «Кратком словаре *когнитивных терминов*» (КСКТ) понятие прототипа не имеет самостоятельной словарной статьи, а в той или иной степени определяется в статье, посвященной прототипическому подходу, или теории прототипов [КСКТ 1996: 140-145]. Согласно этой теории, данный подход – это «новый подход к явлениям категоризации, к понятию как к структуре, содержащей указания на то, какие элементы понятия являются прототипами». С учетом выделяемых двух видов прототипов, ими оказываются либо единицы, которые проявляют в наибольшей степени свойства, обладающие с другими единицами данной группы, либо единицы, которые реализуют эти свойства в наиболее чистом виде и наиболее полно, без примеси иных свойств [КСКТ 1996: 140].

Однако такое понимание термина «прототип» не является первичным. Вообще, сам термин «прототип» появился в XVII веке и, как отмечается в «Этимологическом словаре русского языка» М.Фасмера, слово «прототип» происходит от греческого слова, означающего, буквально, «первый отпечаток». Эта внутренняя форма достаточно четко отражает подход тех исследователей, которые считают, что «прототип заложен в человеческой мысли от рождения; он не анализируется, а просто «дан» (презентирован или продемонстрирован), им можно манипулировать» [со ссылкой на Филлмора – Демьянков 1995: 275]. В этом случае прототип в большей степени сориентирован на неязыковую категоризацию, когда прототип как «первый отпечаток» обусловлен непосредственным отражением и восприятием действительности, когда формирующийся образ оказывается «навязанным нашему уму извне» (И.М.Сеченов), когда прототип является началом, «первообразом» категории, ограниченной по существу данным конкретным образцом. Прототип в этом смысле выступает, согласно Э.Рош, как когни-

тивная точка референции, которая связана с тем или иным конкретным объектом действительности. Вот почему на этом этапе формирования категории возможны осмысления других ее членов с привлечением своего рода референтного или денотативного прототипа.

Как «первообраз, начальный, основной образец, истинник» толкуется значение понятия «прототип» в *словаре В.И.Даля* [Даль 1980: 521]. И в смысле «первоначальный тип», «исконный тип» в системе познания объекта действительности понятие прототипа совпадает с его осмыслением как «архетипа».

Но в XX веке происходит *переход к истолкованию типа как методологического средства*, с помощью которого строится теоретическое объяснение. «При этом происходит сдвиг в трактовке типа, который выступает уже не как реальный «архетип», а как результат сложной теоретической реконструкции исследуемого множества объектов», объединяемых с помощью обобщенной идеализированной модели или типа. Поэтому тип определяется как «некий объект, выделяемый по ряду критериев из всего множества и рассматриваемый в качестве представителя этого множества» [ФЭС 1983: 685]. В этом смысле значение префикса «прото-» по существу теряет свой смысл первоначальности, исконности и понятие прототипа в большей степени соотносится с типическим образом. «Прото-», таким образом, получает семантическое развитие, означая «лучший», т.е. прототип – лучший тип, образцовый тип.

Итак, научная востребованность терминов и понятий «инвариант» и «прототип» в разных областях научного знания, в различных науках свидетельствует об их *междисциплинарном характере* и в определенном смысле об их *фундаментальности*, если под фундаментальностью понимать «то, что работает и в других отраслях знания, на чем может строиться здание науки в целом, что обладает концептуальной универсальностью» [Журавлев 1982: 172]. В принципе, данные понятия, на наш взгляд, приобретают в той или иной степени *статус общенаучных понятий*.

Важным моментом в осмыслении противопоставления понятий «инвариант» и «прототип» являются их *методологические свойства*. Взаимосвязь инварианта с онтологией и гносеологией как двумя взаимосвязанными сущностями выделяет А.В.Бондарко, считая, что «в... истолкованиях инвариантности / вариативности... план онтологии соотносится с планом гносеологии». Но при этом далее он подчеркивает: «В

теории инвариантности велика значимость гносеологических факторов (исходных принципов, общей концепции исследователя, особенностей различных научных школ), но это отнюдь не противоречит суждению об онтологической основе рассматриваемых понятий» (инварианта и прототипа – А.Ш.) [Бондарко 2003: 6]. Более жесткого противопоставления инварианта и прототипа с точки зрения онтологии и гносеологии придерживается Н.Н.Болдырев. По его мнению, «инвариант – это понятие, скорее, гносеологического плана, в то время как прототип – понятие онтологического уровня» [Болдырев 2003: 56].

Думается, здесь необходимо учитывать тот факт, что инвариант не существует в качестве реального объекта действительности, а представлен только в языке как объекте этой действительности, тогда как прототип существует как реальный (естественный) объект действительности. Но язык, если мы признаем его в качестве специфического объекта действительности, также имеет онтологический статус. И в этом плане инвариант и прототип, оказываясь в связи с этим объектом, имеют онтологический характер, отражая реальность существования тех или иных языковых единиц. Другое дело, какой из признаков – онтологический или гносеологический – преобладает в инварианте и прототипе? Ответ на этот вопрос, думается, следующий: в инварианте преобладает гносеологический план, а в прототипе – онтологический, что не исключает использования прототипа в качестве орудия (средства) познания действительности, поскольку с помощью прототипа, представленного тем или иным образом, человек воспринимает действительность так, что «член категории, находящийся ближе к этому образу, будет оценен как лучший образец своего класса или более прототипичный экземпляр, чем все остальные» [КСКТ 1996: 144]. Это, в свою очередь, позволяет человеку классифицировать свои знания об объектах действительности, формируя на их основе определенные категории, отражающие в той или иной степени видение и восприятие человеком окружающего мира.

Таким образом, с методологической точки зрения инвариант и прототип имеют, скорее всего, взаимодополняющий характер. Обнаруживая в себе ту или иную связь с онтологией и гносеологией, они оказываются, в принципе, дополнительно распределенными сущностями: инвариант в большей степени сориентирован на гносеологию, а прототип – на онтологию языко-

вых единиц. Но при этом важно отметить, что вне сферы языка инвариант и прототип оказываются не соотносимыми, поскольку прототип выявляется и в языковых категориях, и в категориях естественных объектов (естественных категориях), тогда как инвариант выявляется только в языковых категориях.

Отмечая методологическую составляющую в понятиях инварианта и прототипа, обратим внимание на то, что они связаны с разными путями (способами) осмысления действительности и его отражением в языке.

Методологические свойства понятия инварианта обусловлены, прежде всего, его связью с понятием абстракции. С.Шаумян, делая вывод о методологической значимости понятия абстракции для лингвистики, пишет: «Для лингвистики абстракция есть главный метод анализа свойств предмета, в отличие от других наук, использующих для этой цели технические средства. Ни микроскоп, ни химические реактивы не могут помочь лингвистике. То и другое должна заменить сила абстракции» [Шаумян 1999]. Несомненно, определенную роль в этом играет инвариант как один из основных видов абстракции.

Отношения между инвариантом и вариантами в языке строятся на основе родовидовой абстракции, позволяющей выделить общий признак, который объединяет различные частные признаки, определяющие сущность вариантов. При этом следует отметить, что оппозитивные отношения между инвариантом и вариантами представлены на разных уровнях абстракции, в отличие от оппозитивных отношений между вариантами, представленными в рамках одного уровня. Другими словами, отношения между вариантами гомогенны, а между инвариантом и вариантами гетерогенны.

Итак, с методологической точки зрения инвариант представляет собой ментальную единицу, отражающую родовидовые отношения между предметами и явлениями действительности. При этом важно отметить, что если бы мир оказался в нашем восприятии полностью вариантным, то когнитивная обработка поступающей о нем информации оказалась бы затруднительной и, думается, даже невозможной. Поэтому инвариант оказывается тем, что позволяет осознать и выявить варианты, своего рода логическим условием, соблюдение которого позволяет увидеть и описать в вариантном множестве различного рода преобразования, модификации и манифестации того или иного объекта действительности, одним из которых оказывается и сам язык. Инвариант оказывается

своего рода ограничителем разнообразия, а, в конечном счете, мы имеем в противопоставлении инварианта и вариантов реализацию диалектического закона тождества и различия предметов и явлений окружающего мира.

Описание объектов на базе поиска инварианта нашло отражение в исследовательском подходе – инвариантном (инвариантно-вариантном), методологическая значимость которого в той или иной степени была подтверждена конкретными результатами научного описания языкового материала [Перцов 2001].

В отличие от инварианта, представленным родовым понятием, прототип представлен тем или иным конкретным типом (видом). Однако выбор этого конкретного видового представителя в качестве образца рода (категории) требует анализа уже не родовидовой абстракции, а другого типа (вида) абстракции, который позволил бы определить не столько логические отношения между родом и видом объектов действительности, сколько степень существенности тех или иных признаков, их психологическую и культурную выделенность сознанием человека на фоне особенного в единичном.

Что заставляет носителей русского языка прототипом категории (концепта) *Птица* считать такой тип (вид), как *воробей*, а носителей английского языка – *малиновка*? На этот вопрос родовидовые отношения ответить не могут. Здесь уже требуется анализ структуры самого объекта. Поэтому, наряду с родовидовой абстракцией, выделяют другой вид абстракции – «абстракцию рациональной структуры предмета» (С. Шаумян), которая, по мнению С.Шаумяна, является по своему содержанию семиотической абстракцией, вытекающей из знаковой природы языка. Он пишет: «Родовидовая абстракция может применяться на физическом уровне звука и на логическом уровне значения, но она не применима на коммуникативных уровнях, ибо коммуникативные классы не выводимы непосредственно из физических свойств звука или логических аспектов значения. Коммуникативные классы выводятся через законы отношений, а не путем генерализации, основанной на родовидовой абстракции». Поэтому одним из основных выводов С.Шаумяна относительно взаимоотношений этих двух видов абстракции в современной лингвистике является следующий: «Центральной в науке должна быть абстракция рациональной структуры предмета, поскольку она позволяет отделить существенные признаки предмета от несущественных, а родовидовая

абстракция может иметь только вспомогательное значение» [Шаумян 1999].

На наш взгляд, такой вывод является слишком категоричным и не в полной мере учитывает различные формы концептуализации и категоризации действительности, одним из объектов которой является и язык, а также роль инвариантов и прототипов в этих процессах.

С точки зрения природы прототип и инвариант являются ментальными сущностями, единицами сознания и вследствие этого представляют собой разновидности концептов. Другими словами, в целом мы имеем дело с концептом как феноменом ментальной сферы, но предстающим перед нами в двух разных ипостасях, сформированных на уровне логико-понятийного мышления (инвариант) и психолого-понятийного мышления или эмпирического мышления (прототип).

В случае с инвариантом концептуализируются прежде всего родовидовые отношения, позволяющие в инварианте осознать то общее, что объединяет варианты в одном классе, в одной языковой категории – лексической или грамматической. В случае с прототипом концептуализируются прежде всего отношения, связанные с абстракцией рациональной структуры предмета, позволяющей определить существенные признаки объекта с целью выявления лучшего образца своего класса. В результате инвариант является показателем рода в родовидовых отношениях, а прототип оказывается видом в них. Следовательно, инвариант направлен на большую абстрагированность по отношению к своим противочленам – вариантам той или иной категории, тогда как прототип направлен на конкретизацию категориального значения, выделяя тот член категории, который оценивается как лучший, образцовый в своем классе. Поэтому не случайно исследователи (А.В.Бондарко, Н.Н.Болдырев, Е.В.Петрухина и др.) считают, что прототип и инвариант, будучи двумя самостоятельными ментальными сущностями, имеют взаимодополняющий характер, поскольку они находятся по разные стороны мыслительного процесса, включающего в качестве точки отсчета базовый уровень категоризации. Инвариант отражает мыслительный процесс, направленный на большую абстрагированность по сравнению с концептом базового уровня, а прототип связан с конкретизацией концепта базового уровня [Болдырев 2003]. Базовый же уровень представлен, прежде всего, единицами понятийного мышления.

Данные отношения между прототипом, инвариантом и понятием, представляющими разные виды (типы) концептов, можно представить в виде троичной оппозиции. В качестве нейтрального немаркированного члена выступает концепт «понятие», а крайними маркированными членами этой оппозиции оказываются концепты «прототип» и «инвариант». Схематично эта троичная оппозиция выглядит следующим образом: инвариант → понятие ← прототип.

В соответствии с предложенным оппозитивным представлением мы имеем следующие определения инварианта и прототипа. *Инвариант* – это абстрактное понятие, а *прототип* – это конкретное понятие. И в этом случае они оказываются прямо противоположными типами концептов. Поэтому вполне можно согласиться с мнением Н.Н.Болдырева о том, что прототип не может быть инвариантом, а инвариант – прототипом [Болдырев 2003]. Но поскольку понятия «конкретное» и «абстрактное» имеют относительный характер, то мы предполагаем, что и в случае с противопоставлением инварианта и прототипа в языке эта относительность присутствует.

В связи с рассмотрением инварианта и прототипа как разных типов концепта возникает вопрос о том, какие знания ими структурируются или, другими словами, формат каких знаний представлены инвариантом и прототипом? Естественно, будучи разными самостоятельными типами концептов, но при этом обнаруживая взаимодополняющий характер, инвариант и прототип как ментальные сущности связаны с формированием определенных типов знаний. Прототип определяет круг знаний об объектах естественных категорий и представлен на базовом уровне категоризации, демонстрируя знания о лучших образцах в категоризации действительности и языка, знания, которые оказываются наиболее типическими для их восприятия, что позволяет воспринимать окружающий мир в наиболее естественных для носителей языка формах обыденного сознания. В инварианте же представлены знания об идеальном объекте, который имеет классовую сущность, объединяя знания о конкретных единичных предметах на основе нахождения в них общих свойств и признаков, что позволяет отражать мир в тех или иных формах научного мышления, «создавая, выражаясь словами В.Г.Адмони, большую маневренную возможность для оперативной памяти» [Адмони 1988: 30].

Как ментальные единицы инвариант и прототип имеют своих репрезентантов в языке, ибо только благодаря языку концепты приобретают свою форму выражения и оказываются способными выполнять инструментальную функцию. Поэтому возникает вопрос: *что является языковым репрезентантом инвариантных и прототипических знаний?*

Прежде всего необходимо помнить, что объектом языка являются не различные типы концептов, включая и понятия как прототипический вид концептов, а значения языковых знаков, их семантика, в частности лексическая и грамматическая.

В этом плане и прототип, и инвариант находят свою репрезентацию в семантике, что позволяет выделять в языке инвариантное значение и как прототипическое значение. Прототипическое значение, как правило, представлено той или иной лексемой. Что же касается инвариантного значения, то оно, по мнению исследователей, имеет в качестве своего обозначения или названия то или иное словесное выражение, которое представлено в определениях категорий и классов слов. Наглядным примером этого является представление инвариантного значения в грамматике, в частности, связь инвариантного значения с такими понятиями, как «общее значение», «обобщенное значение» и «основное значение».

В истории развития теории значения в сфере грамматики данные понятия имеют различные истолкования и поэтому не всегда однозначно представлено их соотношение между собой. Не вдаваясь в подробный и детальный анализ этих подходов, отметим, что все они в той или иной мере связаны с понятием семантического инварианта. Наиболее часто эта взаимосвязь проявляется в отношениях между инвариантом и общим значением. Так, А.В.Бондарко, анализируя реализацию идеи инвариантности в работах Р.О.Якобсона по морфологии, отмечает, что «понимание инвариантности в трудах Р.О.Якобсона наиболее полно раскрывается в истолковании общих значений грамматических форм» [Бондарко 2003: 10]. Это естественно, поскольку, «общее – это единое во многом. Отдельные, единичные явления связаны между собой, взаимодействуют, зависят и обуславливают друг друга: они имеют (и не могут не иметь) нечто соизмеримое, общее» [ФЭС 1983: 447].

Однако, как показал языковой материал, не всегда оказалось возможным свести различные

значения, в частности грамматических форм, в единое (целостное) общее значение. И наиболее наглядным в этом плане был материал о частных значениях падежей. Вследствие этого был востребован другой термин – «обобщенное значение», понятийное содержание которого также связано с абстракцией. В теории значения, наряду с понятием общего значения, в грамматике представлено понятие «обобщенное значение», прежде всего в работах В.Г.Адмони. В ФЭС в одном из своих толкований обобщение определяется как «мысленный переход от отдельных фактов, событий к отождествлению их в мыслях (индуктивное обобщение). Так, например, обнаруживая некоторое общее и специфическое свойство у представителей известного неопределенно большого множества предметов, образуют понятие о нем (индуктивное обобщение) [ФЭС 1983: 446]. Ввод этого научного понятия отразил, по существу, несколько иной взгляд на структуру грамматических форм – полевую структуру, согласно которому обобщенное значение наиболее отчетливо представлено в центре (доминанте) реализации значений грамматических форм, тогда как на периферии отчетливость и однозначность восприятия значений грамматических форм пропадает. Поэтому по отношению к ним выразить обобщенное значение и оказывается затруднительным или даже невозможным.

Таким образом, понятия «общее значение» и «обобщенное значение» могут совпадать, а могут не совпадать. Если выразить их отношения с точки зрения оппозитивных отношений, то маркированным является понятие обобщенного значения, а немаркированным – понятие общего значения. В данном случае, на наш взгляд, речь не идет о замене одного термина другим, поскольку понятийное их содержание отразило разные аспекты рассмотрения структуры грамматических единиц, в частности грамматических форм. Поэтому целесообразно их различать в плане того, идет ли речь о традиционной структуре грамматической семантики как внутрисистемного явления или речь идет о функциональной структуре грамматической семантики в рамках функционально-семантического явления. В первом случае целесообразно использовать термин «общее значение», а во втором случае – термин «обобщенное значение». Но в любом случае понятия «общее значение» и «обобщенное значение» являются родовыми по отношению к единицам, которые подверглись абстрагированию. Другими словами, в том и другом случае мы имеем дело с инва-

риантом, отражающим категориальный характер семантики грамматических форм.

Что же касается термина «основное значение» и его понятийного содержания, то его статус в соотношении, например, с общим значением оказывается, на наш взгляд принципиально иным, а именно: основное значение не оказывается рядоположенным с понятиями общего значения. Основное значение в большей степени ассоциируется с его положением в ряду тех или иных значений, среди которых он выделяется как основной и вследствие чего претендует на представление общего значения в качестве лучшего его образца, т.е. как своего рода прототип (прототипическое значение) инварианта (инвариантного значения). Именно к такому пониманию статуса основного значения был близок Б.Комри, что отмечает А.В.Бондарко: «По мысли Б.Комри, основное значение, скорее, может быть определено как прототип, т.е. «наиболее характерный случай» [Бондарко 2003: 14].

Таким образом, в инвариантной теории грамматической семантики основное значение выступает в качестве одного из вариантов инвариантного значения, обнаруживая при этом наиболее релевантные, четко и однозначно воспринимаемые признаки или свойства вариантного ряда, что позволяет считать основной вариант, представленный основным значением, лучшим среди них образцом, т.е. прототипом.

Показательным примером относительного характера противопоставления в языке прототипа и инварианта является представление инвариантной и прототипической семантики на разных уровнях классификации языкового материала (части речи, лексико-грамматические разряды, лексико-семантические группы). Проиллюстрируем это на материале глагола.

Как известно, глагол является языковой категорией, определяющей основное восприятие и отражение действительности, ее концептуализацию и категоризацию посредством глагольного класса как части речи. Частеречное значение может быть квалифицировано как семантический концепт, который репрезентирован в языке определенным набором грамматических категорий. Отношения между ним и его более конкретными репрезентантами, в качестве которых выступают лексико-грамматические разряды глагола, – это отношения инварианта и вариантов, где инвариант не совпадает ни с одним из вариантов, а является обобщением их значений. Но среди этих вариантов есть такие,

которые в наибольшей степени реализуют релевантные признаки концептуальной структуры глагола, представленной грамматикой глагола.

В отличие от традиционного определения частеречного концепта как действия в широком смысле или процесса, мы определяем русский глагол, с точки зрения его концептуального содержания, как класс номинативных слов, обозначающих ядерный признак высказываний, чаще всего активного процессуального характера, который по отношению к субъекту (предмету) высказывания характеризуется актуализованностью и расчлененностью или же оказывается самодостаточным для выражения бессубъектных ситуаций, что обуславливает функционирование глагола в качестве предиката двусоставных и односоставных высказываний и морфологическую оформленность в тех или иных формах грамматических категорий наклонения, времени, вида, залога, лица (рода) и числа. Такое семантическое определение позволяет включать в состав глагола не только лексемы, обозначающие собственно действие или процесс (состояние), но и лексемы, обозначающие отношение (релятивные глаголы типа *соответствовать*) и свойство (в высказываниях типа *Металл плавится, а дерево горит*), которые не имеют процессуальной семантики (см.: [Шарандин 2009]).

Итак, семантическое определение глагола как класса номинативных слов, обозначающих «расчлененный, актуализованный, активный процессуальный признак», оказывается в этом наборе специфическим в пространстве признаков частей речи, а также является в максимальной степени абстрагированным в системе глагола. Данный семантический концепт реализуется в позиции предиката и объективируется грамматическими категориями наклонения, времени, вида, залога, лица (рода) и числа. При этом важно отметить принцип объективации его концептуального содержания. Оно не влечет за собой отношение к компонентам грамматических категорий, составляющих его концептуальную структуру. Здесь важен лишь непосредственный набор грамматических категорий как таковых, по принципу «есть – нет». Данная особенность обусловлена сущностью семантической природы частей речи, которая определяется в высшей степени абстрагированным понятием, позволяющим включить в состав части речи все лексемы, в которых выявленная частеречная абстракция первичной и имеет интегрирующий характер.

В зависимости же от набора (состава) конкретных форм грамматических категорий, реализация и функционирование которых как бы «дают жизнь» глаголу, понятие «расчлененный, актуализованный, активный процессуальный признак» приобретает, если так можно выразиться, свою «плоть», ибо данный признак может быть активным, динамичным, характеризующим волеизъявление и деятельность человека, направленным непосредственно на объект, – а это не что иное, как концептуальная характеристика класса глаголов действия (в узком смысле, типа «*читать*»). С другой стороны, глагольный признак может быть лишен свойства активности, динамичности, волеизъявления и т.д., то есть может быть постоянным, и тогда он характеризует ситуации, описывающие постоянный признак («эссенциальное» свойство) субъекта (в широком смысле). Ср.: *птицы летают; человек дышит легкими, а рыба жабрами; металл плавится, а дерево горит*; и т.п. Естественно, семантика «действие» оказывается в этом случае более прототипичной по сравнению с семантикой «состояние», «отношение», «свойство».

Таким образом, частеречное значение глагола – это инвариантное значение, которое выявлено посредством абстрагирования от вариативных значений, объективированных ближайшими репрезентантами глагола – лексикограмматическими разрядами. Но при этом инвариантное значение не является прототипическим, ибо в качестве прототипа выступает вариативное значение тех ЛГР, которые обозначают «действие» в узком смысле слова и в максимальной степени реализуют набор полных парадигм грамматических категорий, наиболее значимых и обеспечивающих прототипичность данного значения в семантическом концепте глагола как части речи.

В свою очередь, концепт «действие», будучи прототипом частеречного концепта глагола, оказывается инвариантом по отношению к различным акциональным группам лексем, реализующих в той или иной степени значение «действие» в узком смысле слова. Но «прототипическим экземпляром» среди них оказываются глаголы, обозначающие *предельное действие человека, непосредственно направленное на объект*, т.е. это глаголы типа «*учить*», «*асфальтировать*». Они в полном объеме реализуют парадигмы категорий наклонения, времени, лица, вида и залога. Глаголы же типа «*сидеть*», «*бежать*», «*стучать*», характеризующиеся неполным кластерным пучком грамматических

категорий по сравнению с прототипом, хотя и сохраняют статус действия, поскольку их кластер включает категорию императива, которая однозначно отражает категоризацию действительности с точки зрения восприятия действия и состояния, тем не менее не относится к числу прототипических глаголов действия.

Итак, значение, например, ЛГР с абстрактной лексической семантикой «акциональный гомический признак, характеризующийся предельностью и направленный непосредственно на объект» является инвариантом, т.е. результатом абстрагирования от конкретных лексических значений глагольных слов, реализующих в полном объеме все собственно глагольные категории. Но оно, как было показано выше, оказывается прототипом на частеречном уровне. Это, на наш взгляд, свидетельствует об относительности понятий «инвариант» и «прототип»: то, что на одном уровне является инвариантом, на другом, более высоком, может быть прототипом. В данном случае мы имеем по существу ту же ситуацию, которую отмечают исследователи относительно формы и содержания в языке (см.: А.А.Потебня, С.Д.Кацнельсон и др.).

Таким образом, понятия инварианта и прототипа, имеющие методологический статус и исследовательскую значимость в описании языкового материала, являются продуктивными в случае четкого осознания их ментальной природы, функций и места в концептуализации и категоризации действительности и языка как специфического объекта этой действительности, отражают тот или иной этап ее познания, связанный с такими его сторонами, как чувственное восприятие и рациональное познание [Шарандин 2011].

1. Адмони В.Г. Грамматический строй как система построения и общая теория грамматики. Л., 1988.
2. Болдырев Н.Н. Инварианты и прототипы в системной и функциональной категоризации английского глагола // Проблемы функциональной грамматики: Семантическая инвариантность / вариантность. СПб., 2003.
3. Бондарко А.В. Инварианты и прототипы в системе функциональной грамматики // Проблемы функциональной грамматики: Семантическая инвариантность / вариативность. СПб., 2003.
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 3. М., 1980.
5. Демьянков В.З. Доминирующие лингвистические теории в конце XX века // Язык и наука конца XX века. М., 1995.
6. Журавлев В.К. Фундаментальный характер фонологических идей // Фонология. Тамбов, 1982.
7. Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. М., 1975.
8. КСКТ: Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996.
9. Меркулов И.П. Прототип // arion.ru/wiki/Prototip.
10. Перцов Н.В. Инварианты в русском словоизменении. М., 2001.
11. ФЭС: Философский энциклопедический словарь. М., 1983.
12. Шарандин А.Л. Русский глагол: Комплексное описание. Тамбов, 2009.
13. Шарандин А.Л. Когнитивная и языковая специфика инвариантов и прототипов // Взаимодействие когнитивных и языковых структур. М., 2011.
14. Шаумян С. Абстракция в современной лингвистике // http://www.ruthenia.ru/logos/number/1999_01/1999_1_10.htm

* * *

Қарастырылған инвариант пен түптілғаның методологиялық сипаты, олардың жалпығылыми ұғым ретінде мәртебесін анықтауға мүмкіндік береді. Концептілер түрлерінің когнитивтік табиғаты, олардың абстракция мен білімнің әртүрлерімен байланысын қамтамасыз етеді. Инвариант пен түптілғаның қарсыластыруының салыстырмалы сипаты тілдік жүйені категоризациялаудағы әртүрлі деңгейде өзін көрсетеді.